

Разве не остаётся только... пойти и умереть?

Мяо Сян подняла глаза на Чу Мо, и её лицо стало ещё бледнее.

Она смотрела на него, и слёзы наконец полились из её глаз:

— Разве есть хоть какой-то смысл во всём этом... Получить ранение от зомби — это конец, всё уже кончено...

Женские слёзы текли по щекам, медленно капля на каплю падая на землю и на губы.

На вкус они были очень горькими.

Возможно, это были слёзы Мяо Сян, запоздавшие ровно на сутки.

Уголки рта Ло Сянвэня дрогнули, он внезапно подался вперёд и рухнул на колени прямо перед Чу Мо. Мужчина с изборозждёнными следами прожитых лет лицом склонил голову, а его выражение было непреклонным:

— Раньше я вёл себя скверно, я вечно ненавидел тебя из-за собственных проблем, но я никак не ожидал, что ты пожертвуешь собой ради моего спасения. Отныне, жив ты или мёртв, для меня, Ло Сянвэня, ты — старший брат. Всё, о чём ты меня попросишь, сколь бы трудным и тяжёлым ни было, я непременно исполню. Ты велел мне хорошо заботиться о Мяо Сян, и я сделаю так, чтобы она жила самой лучшей жизнью. Даже если у меня не останется ни еды, ни воды, я всё равно обеспечу её всем самым лучшим. Можешь не сомневаться.

Желтокосый и остальные поначалу опешили при виде поступка Ло Сянвэня и уже подняли руки, желая остановить его. Однако, заметив непреклонную решимость и боль на лице старшего брата, они молча опустили руки и тоже опустились на колени неподалёку.

Пусть будет так. Что бы старший брат ни сказал — то и верно. К тому же... этот человек и впрямь заслуживал их преклонения.

Ло Сянвэнь поднял голову на Чу Мо и, выговаривая каждое слово с непоколебимым выражением, произнёс:

— За такое спасение жизни нечем отплатить, я непременно помогу, чего бы мне это ни стоило.

Он смотрел на прислонившегося к стене бледного человека, крепко сжав руки, и чувствовал, как в груди нестерпимо жжёт.

Ло Сянвэнь знал, что всегда питал враждебность к тем городским людям, которые, казалось, с самого рождения обладали прекрасными перспективами, особенно к тем лощёным парням, что окончили престижные университеты и получили хорошее образование.

Семья его с детства была бедной: наверху двое старших сестёр, внизу — ещё одна младшая сестра и два младших брата. Отец к тому же хворал, и матери в одиночку было безумно тяжело вести домашнее хозяйство и поднимать такую ораву. Откуда у них могли взяться силы на то, чтобы учить детей?

Но он с малых лет учился прекрасно, и мать, не желая, чтобы её сын тоже прожил такую жизнь, сжала зубы и позволила ему продолжить учёбу. Он дважды сдавал экзамены в университет, и оба раза его баллы стабильно позволяли поступить в вузы первой категории, что было огромной редкостью в их отсталой деревушке.

Большинство тамошних детей могли считать себя любимчиками родителей, если им удавалось хотя занять начальную школу, а поступить в университет за все эти годы он был первым и единственным.

Но то ли из-за нехватки образовательных ресурсов, то ли из-за нехватки собственного таланта он никак не мог набрать баллы, дававшие право на освобождение от платы за обучение.

Даже подрабатывая во время учёбы, где было взять такие деньжищи? Семье требовались средства на жизнь, и за последние годы из-за его учёбы и лечения отца они влезли в такие долги, что в доме не осталось ни единой целой вещи, а расходы далеко превышали доходы.

Глядя на мать, которая стояла перед ним на коленях и горько рыдала, Ло Сянвэнь молча взвалил на плечи скудный узел с пожитками и отправился на заработки.

Так прошло двадцать лет.

За эти два года он успел поколесить по самым разным городам Китая, перепробовав всё: от мойщика посуды до уборщика. Работая с девяти до пяти каждый день, он валился с ног от ломоты в теле, а спал едва ли больше четырёх часов в сутки.

И всё же он упорно продолжал каждый день надевать белую рубашку. Те несколько рубашек, купленных за десять юаней, он стирал и надевал, стирал и надевал — и так снова и снова на протяжении почти десяти лет. Он упорно продолжал носить те самые очки, которые подарил ему классный руководитель в период подготовки к гаокао, хотя дужки уже расшатались, хотя зрение в действительности совсем не требовало очков, и хотя это было ужасно неудобно на стройке.

Словно напоминая себе: мы с ними не одно и то же.

Я не похож на этих людей, которые не учились в школе, не имеют ни малейшей культуры и способны выполнять лишь тяжёлую, грубую работу.

Когда-то я мог пойти в университет, я поступил в одно из лучших высших учебных заведений Китая.

Я прочитал столько книг, я знаю столько вещей, о которых другие даже не слышали.

Я был так близок... так невероятно близок к совершенно другой жизни.

Позднее он постепенно постарел, наконец закрепился в этом городе, обзавелся кое-какими накоплениями, и за ним стали ходить люди, называя его старшим братом.

Мало-помалу некоторые женщины, приехавшие на заработки так же, как и он, начали оказывать ему знаки внимания.

Но он неизменно всем отказывал.

Иногда, проходя мимо ворот университета и видя выходящих оттуда белокожих студенток с ясными глазами и прекрасными лицами, или когда он шёл мимо входа в какую-нибудь компанию и видел сидевших там женщин-белых воротничков с изящной осанкой и безупречным макияжем, он думал: «Вообще-то моя жена должна выглядеть именно так».

Она должна быть элегантной, красивой и образованной женщиной, а не грубокожей невежественной деревенщиной, не знающей трёх иероглифов.

Ло Сяньвэнь начал испытывать ненависть к грамотеям, особенно к богатым грамотеям.

Иногда, проходя мимо ворот частных университетов или тех вузов, куда можно было поступить лишь за дополнительную плату, и глядя на этих так называемых студентов, которые целыми днями шумели, учиться не желали и думали лишь о том, как бы поесть, попить и повеселиться, он чувствовал, как у него от злости начинают зудеть десны.

Это была та жизнь, о которой он так мечтал, но которую так и не смог получить. А эти люди получили её без всякого труда — и при этом даже не ценили.

В чём они превзошли его? Разве не в том, что у них есть деньги? С какой стати они... могут сидеть в университетских аудиториях, в то время как он вынужден трудиться под палящим солнцем на стройке?

Отец дал ему имя Сяньвэнь, надеясь, что он будет близок к культуре и литературе.

Но в конце концов больше всего он возненавидел именно образованных людей, постигающих культуру; а того, чего он меньше всего мог достичь, — это в один прекрасный день самому стать таким образованным человеком.

Поэтому он ненавидел. Он завидовал.

Он завидовал настолько, что готов был желать, чтобы в этом мире никогда не существовало самого слова культура, он ненавидел до такой степени, что хотел, чтобы абсолютно все люди были такими же, как он, — не учившимися в университете и лишёнными возможности приобщиться к знаниям.

В самый первый раз, когда Ло Сяньвэнь увидел Чу Мо, он ему не понравился.

Ло Сяньвэнь одно время даже думал, что само существование Чу Мо было насмешкой над ним.

В тот момент тот поддерживал Мяо Сян, направляясь к нему: мужчина с мягкими длинными волосами был одет в ладно скроенную светло-голубую рубашку, с тонкими пальцами и бледной кожей — с первого взгляда было ясно, что перед ним человек, от которого так и веет книжной ученостью.

Казалось, он всегда всё знал и во всём разбирался, и даже его младшие братья восхищались им без памяти.

Тогда в маленьком магазинчике, глядя, как Чу Мо листает книгу, Ло Сяньвэнь чувствовал дикую, сжигающую зависть.

Вообще-то... я тоже должен был быть таким.

Я тоже должен был носить такую ладную, изысканную рубашку и стоять на солнце, читая книги.

Рядом со мной тоже должна была находиться такая нежная, сияющая девушка, которая смотрела бы на меня снизу вверх глазами, полными доверия и обожания.

Если бы не нищета его семьи... он тоже прожил бы именно такую жизнь.

Поэтому он неизменно враждовал с ним, невзначай цеплял по любому поводу и нарочно старался казаться перед ним человеком чрезвычайно образованным.

А тот всегда словно не замечал этого, лишь едва заметно улыбаясь — будто все его выходки казались ему не более чем капризами невежественного простолюдина.

От этого Ло Сяньвэнь ненавидел его ещё сильнее. Он даже думал, что, выбравшись отсюда, обязательно соберёт братков и как следует отделает этого парня, чтобы тот показал, кто здесь на самом деле круче.

Но в тот момент, когда Чу Мо пожертвовал собой ради его спасения, он вдруг подумал:

В конце концов, мне до него далеко.

Разница между нами вовсе не в образовании, а в самой сути.

Даже если бы у меня было благородное происхождение, я бы всё равно не сравнялся с ним.

Ни у кого не может быть такой... мягкой и благородной, истинно благородной натуры.

Именно таким человеком в глубине души хотел стать тот самый усердно учившийся в детстве он сам.

Чу Мо опустил взгляд на стоявших перед ним на коленях людей, чувствуя себя, пожалуй, несколько растерянно. Спустя мгновение он вдруг улыбнулся. Чуть прикрыв глаза, он изобразил на лице почти невыносимую, изнурённую горечь:

— Большое спасибо, тогда прошу тебя, позаботьтесь о Мяо Сян... Она хорошая женщина, она заслуживает прекрасной жизни.

Ло Сяньвэнь опустил голову и с непреклонным выражением кивнул. Он поднял взгляд на стоящую рядом с Чу Мо Мяо Сян — та молча плакала, глядя на Чу Мо.

— Н-но, погодите... — дрожащим голосом прервал их Чао Хао. — Чу Мо ведь обладатель способности... У обладателей способностей не бывает заражения вирусом зомби... Вы разве не собираетесь обработать его рану?.. Мне кажется, он становится всё бледнее...

Чу Мо поднял на него глаза. Чао Хао стоял в тени, и его лицо казалось смазанным.

Он, кажется, чуть заметно улыбнулся уголками губ.

Почудилось ли это Чао Хао?.. Ему неизменно казалось, что в этой улыбке Чу Мо таится вовсе не облегчение человека, избежавшего смерти и осознавшего, что он выживет, а нечто вроде... злорадства, похожего на предвкушение долгожданного начала интересного представления.

Наверное, мерещится?.. Как он мог в такой момент демонстрировать подобное выражение лица?

Чао Хао даже не успел толком обдумать это, как его прервали.

Мяо Сян, которая ещё секунду назад безутешно рыдала, вдруг замерла, а затем её лицо мгновенно побелело — так, словно до неё дошёл какой-то страшный смысл. Она вцепилась в Чао Хао с невероятной силой, уставившись на него в упор, а её голос задрожал.

Мяо Сян судорожно вцепилась в руку Чао Хао и с отчаянием на лице уставилась на него:

— Что ты сейчас сказал?! Что ты сказал?! Повтори ещё раз! Чао Хао испугался Мяо Сян. Обладая пробужденными силами женщины, обладали колоссальной физической мощностью, и Чао Хао казалось, будто он слышит, как хрустит его собственная ломающаяся рука:

— Я, я просто говорил, что вам пора бы перевязать рану Чу Мо... Если он продолжит так истекать кровью, то действительно умрет...

— Нет, не это! — Мяо Сян в упор уставилась на Чао Хао, словно отчаянно пытаясь узнать ответ.
— Ты только что сказал... что одаренные не заражаются вирусом зомби?

Лицо женщины было бледным, она вцепилась в руку Чао Хао так, что слегка подрагивала, и было непонятно, то ли она жаждет этого ответа, то ли панически боится его.

Чао Хао замер, но тут же сообразил:

— А, да... Те, у кого пробудились способности, больше не заражаются вирусом. Так что можешь не переживать... с Чу Мо всё будет в порядке... но тебе действительно нужно остановить ему кровотечение...

Чао Хао не удержался и снова оглянулся на Чу Мо. Тот стоял, прислонившись к стене в тени, и его лицо было белым как полотно, без единой капли крови.

Вид у него был такой, будто он мог упасть в обморок в любую секунду.

Мяо Сян же словно не расслышала то, что он сказал в конце. Лицо женщины побелело, глаза широко раскрылись и смотрели в пустоту:

— Не заражаются вирусом? Откуда ты знаешь?.. Почему никто мне не сказал? Почему... я не знала?

Реакция Мяо Сян озадачила Чао Хао. Он посмотрел на нее и нерешительно произнес:

— По радио же говорили... Разве ты не слышала? Я помню, в больнице было радио...

Радио?

Мяо Сян отпустила руку Чао Хао. Женщина в белоснежной форме медсестры выглядела отрешенной, она развернулась и медленно пошла вперед.

Подняв голову, она увидела, как прямо над внутренней стеной комнаты отдыха притаилась черная коробочка.

Это радио...

Точно, во многих уголках этой больницы были установлены репродукторы...

Раньше она часто вместе с Сяо Сяо в обеденный перерыв, держа в руках тарелки с едой, ждала под этим динамиком...

Так почему же я ничего не слышала?

Ведь я проделала такой длинный путь из больницы, потратила столько времени... как же я не слышала?

Мяо Сян отрешенно подняла голову, за стеклянными дверями всюду заливало солнце.

Верно, тот маршрут побега, который я тогда спланировала... полностью обходил все динамики вдоль дороги.

Чтобы не мешать отдыхающим пациентам, громкость больничного радио всегда настраивали на минимум. Именно поэтому часто можно было видеть толпы людей, которые толклись прямо под динамиками, чтобы послушать трансляцию.

Но почему я тогда выбрала именно этот путь?.. Почему решила спуститься на лифте? Зачем мне понадобилось сначала заглянуть в подсобку за деревянной палкой? Зачем идти в операционную за скальпелем?

Лифт, подсобка, операционная... Это же те самые места, где меньше всего могло быть радиоприемников.

Мяо Сян вскинула голову, ее дыхание внезапно участилось.

За окном залитый солнцем мир казался ненастоящим, иллюзорным.

Она снова вспомнила улыбающееся лицо Сяо Сяо, с которым та смотрела на нее в прошлые

дни, и окровавленное лицо человека, поднявшего голову у входа в больницу.

Ей казалось, она всё еще видит взгляд, которым Сяо Сяо смотрела на нее тогда. Узкие, прищуренные глаза, в которых вдруг вспыхнул ослепительный свет.

...Это было облегчение и безмятежное спокойствие человека, который наконец-то дождался помощи.

А в конце... был удар ее собственного клинка и полное неверие на лице той женщины.

Она будто всё еще ощущала ту плоть и кровь, что резал нож.

Они были знакомы двадцать лет, и она даже никогда не решалась сказать ей хоть одно резкое слово... но в итоге собственноручно убила ее.

Мяо Сян казалось, что перед глазами всё погрузилось во мрак, а сердце разрывалось от боли.

Из-за того, что я сделала такой выбор... я ничего не услышала... поэтому я не знала, что Сяо Сяо не заразится... и поэтому я убила ее.

Если бы хоть раз за это время я поступила иначе, смогла бы я услышать радио?.. И тогда Сяо Сяо... неужели она осталась бы жива?

Ведь изначально... ей вовсе не нужно было умирать.

Это я погубила ее, это я собственными руками убила ее...

Даже лишившись голени, пробудившаяся Сяо Сяо могла бы отлично устроиться в этом новом мире, но вместо этого я убила ее...

До чего же... до чего же я глупая.

Как я... как я вообще смогла поднять на нее руку?

Это же Сяо Сяо... ее Сяо Сяо... Та самая, что росла вместе с ней с малых лет, ее верный и неразлучный друг... Сяо Сяо...

Мяо Сян резко опустила на корточки, уткнулась лицом в колени и горько зарыдала.

— Мяо Сян... не надо так, — Чу Мо тоже опустился рядом с свернувшейся в комок Мяо Сян,

одновременно мягко поглаживая ее по спине и успокаивая: — Ты не виновата... Никто не мог знать, что об этом скажут по радио, это не ты ее погубила.

Он утешал ее ласковым голосом, однако на его полуповернутом к свету лице застыла едва заметная улыбка, и он тихо произнес, нежно перебирая слова:

— Это к тебе не имеет никакого отношения.

— Нет... Именно я! Именно я! Каждый раз выбирала я... — Мяо Сян резко подняла голову, глядя перед собой с искаженным от приближающегося срыва лицом. — Всегда выбирала я, только я...

Она вдруг принялась безумно дергать себя за длинные волосы, захлебываясь слезами:

— И в конце концов я сама убила ее! Это я погубила Сяо Сяо! Я!

Если бы не мои слова про лифт, мы бы, наверное, пошли по лестнице; если бы не я сказала, что нужно зайти в подсобку за палкой, мы бы шли прямо из палаты к лифту; если бы я не предложила заглянуть в операционную за скальпелем, мы могли бы гораздо раньше спуститься вниз... Всё я... это я во всем виновата... — Мяо Сян смотрела в пол, лицо ее было лишено всяких красок.

Она продолжала плакать, разрывая собственные волосы, находясь на грани помешательства.

Чжао Хао растерянно смотрел на нее, не зная, как утешить и что предпринять.

Чжу Мо постоял рядом пару мгновений, наблюдая за ней, а затем тяжело вздохнул. Он шагнул вперед и мягко обнял ее:

— Тише, не плачь, ты не виновата... честное слово... Я знаю, тебя просто смертельно испугали. Отдохни как следует.

Он поднял голову и внезапно нанес резкий удар ребром ладони.

Мяо Сян тут же обмякла и потеряла сознание.

Чжу Мо посмотрел на нее секунду-другую, аккуратно расправил ее слегка растрепавшиеся длинные волосы — бледное, миловидное лицо женщины всё еще было покрыто слезами. Он поднял взгляд на Лю Сяньвэня:

— То, что ты сказал только что, еще в силе?

— А? — Ло Сяньвэнь на мгновение растерялся, а затем выпалил: — В силе! Конечно в силе! За кого ты меня принимаешь?! Ты спас мне жизнь, теперь эта жизнь принадлежит тебе. Проси что хочешь, я сделаю всё!

Чу Мо лишь улыбнулся и с нежностью посмотрел на Мяо Сян:

— Тогда я всё же попрошу тебя позаботиться о ней. Мяо Сян только что перенесла потрясение, очнувшись, она может быть не в духе... Не держи на нее зла.

— Обещаю! Я буду глаз с нее не сводить, пусть бьет и ругает, пальцем не трону в ответ! — тут же пообещал Ло Сяньвэнь, но, немного помешкав, нерешительно спросил: — Но ты... ты ведь уходишь?

— Да, у меня есть дела... Если не отправлюсь сейчас, будет поздно. Я бы хотел взять ее с собой, но в ее нынешнем состоянии я за нее не спокоен... К тому же защищать ее в одиночку слишком опасно, так что вся надежда на тебя. — Чу Мо поднял голову и улыбнулся Ло Сяньвэню.

Он бережно опустил Мяо Сян у стены, устраивая ее поудобнее, чтобы она могла откинуться назад. Парень еще с минуту молча смотрел на нее, прежде чем подняться и направиться к выходу.

— Эй... а твоя рана! — встревоженно окликнул его сзади Чао Хао.

Однако молодой человек, уже открывший дверь, лишь махнул рукой и вышел, не оглядываясь.

Тот самый Чу Мо, который только что заявлял об уходе, вовсе не собирался уходить сразу.

Выбравшись наружу, он молча, голыми руками взобрался на росшее у дороги дерево унаби.

— Будучи студентом, Чу Мо любил лазать по деревьям, а теперь, с помощью магии древесных стихий, его движения стали совсем плавными и бесшумными, словно у текущей воды.

Говорят, фениксы любят садиться на унаби, это действительно... поистине удобное для укрытия дерево.

Каждое такое дерево раскидисто, с густой листвой, гладкими и толстыми ветвями.

Чу Мо чуть поудобнее устроился на ветке и заглянул вниз.

Дерево было высоким, и отсюда открывался отличный обзор: через прозрачный стеклянный потолок комнаты отдыха было прекрасно видно всё, что происходило внутри.

Ло Сяньвэнь стоял на коленях рядом с Мяо Сян, стирая с ее щек не прекращающие течь слезы.

Его движения были неуклюжими, но невероятно бережными.

Чу Мо невольно усмехнулся уголками губ.

Вообще-то он был знаком с Ло Сяньвэнем и Мяо Сян еще в своей прошлой жизни, в базе Линъюнь.

В те времена Ло Сяньвэнь был довольно влиятельным человеком в базе, отвечавшим главным образом за охрану и ремонтные работы.

— В апокалипсис это считалось весьма неплохой должностью.

В конце концов, это была база Линъюнь, и люди без способностей и связей не смогли бы там выбиться даже в рядовые начальники.

Самым известным качеством Ло Сяньвэня в базе, помимо его должности, была преданность и крепкая любовь к своей жене.

Они всегда выходили из дома вместе по утрам: его нежная и заботливая жена провожала его до места работы, а затем возвращалась вести хозяйство; вечером же она неизменно приходила встречать его обратно.

День за днем.

В хорошую погоду можно было увидеть, как они вместе прогуливаются на закате, любуясь заходящим солнцем.

В то время они были парой, которой завидовали все в базе.

Пусть после наступления апокалипсиса человеческие сердца стали непостоянными, а взгляды на чувства — легкомысленными... но кто же откажется иметь рядом того, кто любит тебя искренне и кого всем сердцем любишь ты сам?

Мы, народ Хуася, похоже, генетически предрасположены тосковать по такой любви, где «наши сердца бьются как одно, и во всем мире есть лишь ты один».

Вне зависимости от эпохи.

Поэтому тогда все так завидовали им и любили при каждом удобном случае завести об этом

непринужденный разговор.

Чу Мо как-то раз слышал от того человека, что жену Ло Сяньвэня звали Мяо Сян, и она работала медсестрой в государственной больнице какого-то города.

<http://bllate.org/book/22415/2353414>